

Валентина Серганова и главная книга её жизни

Предлагаем материал члена нашего Союза Валентины Александровны Сергановой

Первая публикация Валентины Александровны в прессе – статья «Неистовый гений Виссариона» – появилась в журнале «В мире книг» в 1966 году. Публиковала рецензии и статьи в «Пионерской правде», «Молодой гвардии», «Книжном обозрении».

29 лет отработала в издательстве «Современник»: редактором, старшим редактором, ведущим редактором. Была ответственным редактором Собрания сочинений В.С. Пикуля (в четырех томах), получившего Государственную премию; 12-томного Собрания сочинений М. Горького под редакцией А.И. Овчаренко; 80-томной библиотеки «Государя Руси Великой» (составителем серии и публикатором нескольких томов); 11-томной серии «Сокровища русского фольклора». Адаптировала и

проиллюстрировала том Всеобщей истории Д.И. Иловайского, получивший на книжной выставке-ярмарке в Орле в 1998 г. Большую золотую медаль – «Лучший учебник года»; публикатор и автор-составитель книг: А.Г. Петискус «Боги и легенды Олимпа» (М.: Современник, 2000); сборник «Тайны, скрытые забралом» (М.: Современник, 2002); сборник «Шипка и Плевна – слава русского оружия» (М.: Современник, 2003), совместно с Ю.Н. Сенчуриным.

В настоящее время на творческой работе. Член Профессионального комитета московских литераторов, член Русского исторического общества.

Главным событием жизни В.А. Сергановой стала встреча с

творчеством Валерия Иольевича Язвицкого. К двойному юбилею писателя – 50-летию со дня смерти и 125-летию со дня рождения были подготовлены публикации о его жизни и творчестве в журналах «Аграрная Россия» (№ 5, 2007 г.), «Московский журнал» (№ 11, 2007 г.), «Роман-журнал XXI век» (№ 1, 2008 и №№ 1-2 2009 г.).

В этом году исполнилось 40 лет, как Валентина Серганова связала свою судьбу с издательской деятельностью Москвы: в июле 1970 года начинала в издательстве «Книга».

Поздравляет Валентину Александровну с трудовым юбилеем. Желаем крепкого здоровья и творческого долголетия.

Главная книга жизни

К 50-летию со дня смерти и 125-летию со дня рождения Валерия Язвицкого

В конце 30-х годов прошлого столетия в редакциях московских журналов и газет и в издательствах – «Недра», «Знание», «Советский писатель» – часто видели высокого седовласого человека, скорее даже по виду (хотя это было и не популярно), «господина», которого звали, как это было принято в писательской среде, по имени – Валерий. Это был Валерий Язвицкий. Что о нем знали? Что это интеллектуал. Да! И популяризатор науки. Что сам он работал в какой-то зарубежной лаборатории, давно, еще до революции. И даже запомнились опубликованные рассказы странного толка – о невесомости и перемещении предметов на расстоянии – то есть о гравитации. Откуда у него были эти познания, никто точно не знал. Но он пережил трудное время. Его не называли «попутчиком», как называли многих писателей сложившихся до революции.

Перед самой войной (1941 года) он стал появляться на людях редко – говорили, что засел за какую-то большую работу. Отрывки из нее стали появляться в периодике. Его теперь больше видели в Архиве древних актов, Исторической библиотеке, Историческом музее. Даже в своем доме в Баковке он

останавливался ненадолго, передоверив все заботы жене. Валерий Язвицкий начал крестный путь своей главной книге жизни.

Разительно несоответствие широкой и прочной популярности эпопеи «Иван III – государь всея Руси» с тем немногим, что сообщалось в печати о ее авторе. Даже имя и отчество писателя указывались не всегда верно... И дата рождения.

Валерий Иоильевич Язвицкий родился 12/25 января 1883 года в селе Орлов-Гай Самарской губернии Новоузенского уезда. Его отец, Иоиль Иванович, происходил из семьи священника, многодетной и потому не имевшей возможности помогать ему, когда он уехал в город для продолжения учения. Студентом ходил в рваных сапогах на босу ногу, падал на улице от голода, поседел на двадцатом году, а курс наук окончил прекрасно и был оставлен при университете. Но вскоре Иоиль Иванович женился и для содержания собственной семьи стал работать в земстве, врачом. И начались странствия его семьи по всей России.

«Мой отец, – вспоминал впоследствии Валерий Язвицкий, – был передовым человеком своего времени, борцом за всякие новшества: то он вводил горячие бесплатные завтраки в школе, то организовывал общества трезвости в селах и деревнях, то добивался улучшения питания и ассортимента лечебных средств для больных в земских больницах. Администрация земских управ не очень-то приветствовала все эти заботы о населении со стороны своего врача, потому возникали всякого рода споры, трения, и Иоиль Иванович уезжал в другую губернию, надеясь в другом месте найти себе единомышленников. По поводу всех этих вопросов у Иоиля Ивановича была переписка с Л.Н. Толстым». Практическая деятельность интеллигенции была названа позднее «теорией малых дел», но благодаря ей в России была создана крепкая сеть кооперации, земских школ и больниц..

Отец был первым человеком, зародившим в будущем писателе чувство милосердия и личного долга перед соотечественниками. Но еще раньше родилась у него горячая сыновья любовь к тому, кто, несмотря на загруженность работой и немыслимой для современного интеллигента отдачей времени и сил на «общественное дело», был для семьи и добрым управителем и ее душой.

По вечерам семья собиралась за столом – отец любил читать вслух. Мать, Мария Васильевна, родом с Украины была хорошей рассказчицей, знала сказки, бывальщины и разные истории из украинского быта, забавно передавала их в лицах на украинском языке. Семья поддерживала тесные связи с родней, многочисленной – дяди, тетки, двоюродные братья и сестры всех возрастов часто езживали в гости, встречались в застольях, пели песни и романсы; атмосфера веселой непринужденности, внутренней раскованности царила в доме.

От отца Валерий узнавал о растениях и животных, составлял под его руководством гербарии, собирал коллекции насекомых, птичьих гнезд и яиц, заспиртовывал редких водяных животных, а также получил первые представления о «событиях исторических и Священной истории». При всем том мальчик отличался от сверстников и ростом и физической силой, красивым от природы голосом, драматическим даром, любознательностью и изобретательностью. Подчас это влекло к непредвиденным последствиям. Сначала пиротехнические упражнения – в полночь на крыше Пензенской гимназии была сожжена огромная «римская свеча, выбросившая с грохотом в небо разноцветные звезды и переполошившая город. Валерия, как инициатора, исключи из первого класса. Родителям пришлось подыскивать другой город, где можно было бы продолжить образование детей. В Саратове Валерия исключают без права поступления из второго класса гимназии за организацию побега в Америку – у беглецов среди мирных припасов нашли порох, дробь, кремневый пистолет, финский нож, табак и водку («виски») для «краснокожих братьев», – вещи непозволительные для гимназиста. После трудных и долгих поисков Иоилю Ивановичу удалось устроить сына-фантазера во Вторую казанскую гимназию. Валерий поселяется «на хлебы» к брату матери Алексею Васильевичу Лапкову.

Здесь, в казанской гимназии, начались его первые пробы пера и пришла известность. В 1903 году Язвицкий пишет пьесу о жизни татарской женщины.

«Болезнь духа». Пьеса была с одобрением прочитана и во время гастролей В.Ф. Комиссаржевской поставлена на сцене Казанского

городского театра. Драма с воодушевлением принималась молодежью. После премьеры на импровизированном митинге ораторы выступали с пламенными речами против семейного деспотизма, за раскрепощение женщины. По случаю успеха пьесы в Казани даже была выпущена марка с изображением юного драматурга.

Однако гимназическое начальство по-своему расценило успех своего подопечного: Язвицкого немедленно исключают – за постановку пьесы без разрешения директора гимназии, скорее же за вольнодумство содержания. Только благодаря ходатайству городской думы в Министерство народного просвещения гимназист Язвицкий допускается к экзаменам на аттестат зрелости.

Дальнейшая дорога определилась сама собой – историко-филологический факультет Казанского университета, известного своим свободомыслием и блестящим преподавательским составом. Учится Валерий Язвицкий с увлечением, кроме лекций своего факультета, он слушает курс физики у Гельцгаммера, историю права у Шершеневича – тогдашних светил, успевает рисовать в воскресной школе живописи, писать стихи и рассказы и – занимается революционной работой в РСДРП, куда вступил еще гимназистом. Путь Валерия Язвицкого – типичный путь молодого человека передовых взглядов того времени, отличающийся разве лишь его индивидуальной одаренностью и ранней самостоятельностью. Чтобы не обременять отца высылкой денег на жизнь, студент Язвицкий поступает секретарем в газету «Волжский листок», где в то время сотрудничали Яков Свердлов и Александр Накоряков. Здесь печатаются его первые рассказы, стихи. На сюжет из гимназической жизни он пишет вторую пьесу – «Отпетый». Пьеса получила хороший отзыв на конкурсе имени А. Н. Островского, но к постановке запрещена цензурой.

Шел 1905 год, Язвицкий – член объединенного революционного комитета, работавшего под руководством И. А. Саммера, посланного из Женевы в Казань. Валерий вместе с товарищами студентами – на баррикадах... Революционный романтизм тех лет определял поведение значительной части русского общества: оппозиция официальной власти была естественной позой для каждого, считающего себя либералом. Студентов с разбитых баррикад отправили в Казанскую центральную пересыльную тюрьму,

но, поскольку военное положение было введено в городе уже после их ареста, их удалось судить не военно-полевым судом, а гражданским. Гражданский суд приговаривает осужденных к административной ссылке в отдаленные пункты России. Язвицкому выпала Мезень.

Небезынтересно в этой связи прошение Валерия Язвицкого, вернее его тон, к тюремному начальству:

«Обращаюсь к Вашему чувству гуманности, г-н начальник, и прошу разрешить мне свидание с двоюродной сестрой моей Варварой Алексеевной Лапковой. Было бы бесчеловечно с Вашей стороны лишать меня (лицо тем более уже караемое, хотя еще не обвиняемое) дорогих мне людей. Ваши подчиненные почему-то упорно отказывают мне в этом». Свидания были разрешены.

В Казанской тюрьме навестил сына и Иоиль Иванович. «Я горжусь, что ты, Валерий, в эти дни здесь, — он показал на решетку, вытирая платком слезы, — не на воле. Крепись».

В тюрьме Валерий Язвицкий пробыл в общей сложности пять месяцев. Сохранились его записные книжки и дневники с заверительными надписями и печатями Казанской пересыльной. Они дают возможность заглянуть в сокровенное: уже к тому времени это вполне сложившийся характер сильного человека, сформированный всей максималистской атмосферой времени, об этом свидетельствуют записи отдельных мыслей, обобщений, стихов, черновые наброски к новой пьесе «Вечная трагедия»: «Сильный не должен обижать слабого, если не хочет этого. Слабый должен бороться, если не хочет рабства...» Или: «Я выше вас! Я понимаю, когда меня тащат за шиворот, и сопротивляюсь всеми силами. Вы ж радостно идете, воображая, что это не шиворот, а ваша собственная воля...» Мотивы памяты и кумир очевиден... Позднее Язвицкий состоял в переписке с Горьким, советовался с ним, дорабатывая свои рассказы: один из них, «Тайбола», был опубликован в редактируемом Горьким сборнике «Знание».

Записные книжки его пестрят россыпью поговорок, припевок, чувствуется неподдельный интерес к народному говору:

Сыпь, сыпь, Яшка!

**Три копейки чашка,
Три копейки дюжина!
Приди после ужина...**

...Или вдруг – поразившие народные наблюдения месяцеслова: «14 июля (Кирик и Улита.) Если работать, то или мерин запьётся, или волк влезет и всю скотину съест». Целые собрания украинских пословиц, поговорок, воровского жаргона, тюремных песен. Все это потом пригодится, когда начнется профессиональная работа литератора. Стихи – подражательные, – Брюсову, и свои, пока еще слабые, – о любви... Пережитый миг прекрасного – одной строкой: «Уже три дня, как цветут акации», – по ней можно узнать будущего Язвицкого – лирика, раскрывшегося в эпопее об Иване III. И как кредо звучащая фраза: «Цель жизни – в самой жизни». Из всего этого складывается портрет симпатичного, напористого, внутренне одаренного молодого человека.

Женатый политический ссыльный получал в то время 40 рублей в месяц на питание и квартиру и 1000 рублей в год «одежных» – деньги достаточные, чтобы содержать семью, особенно в такой глухомани, как Мезень. Мужественно преодолев сопротивление родных, к Валерию приезжает Варя Лапкова: мезенский священник их венчает.

В Мезени Язвицкий сдает экзамены на частного поверенного и поступает на лесопильный завод братьев Ружниковых. Материальное положение укрепилось, а культурная жизнь и в далекой Мезени строилась доброй волей интеллигентных людей. Как и повсюду тогда, существовал в Мезени любительский театр, сбор средств от представлений шел в пользу профессионального общества рабочих лесопильных заводов Архангельской губернии. Язвицкий принимает участие в спектаклях, издает газету «Мезенский рабочий».

Но такая «ссылная жизнь» продолжалась не дольше года. За организацию экономической забастовки на лесопильном заводе и материальную поддержку бастующих на протяжении более двух месяцев из партийной кассы Язвицкий, постановлением полиции, высылается на остров Моржовец в Белом море – почти

необитаемый, только в сезон там работала «зверобойка», приходили поморы бить моржей. Ссылный скрывается в Мезени от полиции у разных людей, в том числе... у младшего брата того же лесозаводчика Ружникова, а племянник Ружникова дает ему свой паспорт и рекомендацию в вологодскую контору известных на всю Россию маслоделов Чичкина и Бландова. «Для конторы не было секретом, что я беглый ссылный, но никто меня не выдал», – вспоминал В.И. Язвицкий. С партией «вологодского товара» он добрался до Казани. Иоиль Иванович выписал за 15 рублей заграничный паспорт на имя младшего сына Бориса (паспорт тогда не имел фотографии), гимназический товарищ Михаил Косман дал Валерию 50 рублей, и с этими средствами Валерий Язвицкий «покинул родину и отправился в чужую страну искать себе угла и хлеба».

***Я жизнь сплетаю давно с игрою.
Ручьем сверкая, мой путь бежит –
Дворцы и храмы в мечтах я строю,
Голодный, нищий и «вечный жид»...***

Оптимизм молодости, помноженный на работоспособность и волю, никогда не подводил Язвицкого.

Непридуманные строки биографии – они дают нам, живущим в начале нового века, более точное представление о том далеком времени, нежели социально значимые романы или значительные в своих обобщениях социальные исследования. Пятнадцать минут страха при проверке документов в Вержболово – и поезд мчит по Германии... Спутники в купе – русский врач, который едет вместе с женой и грудным ребенком. В соседнем купе – пара: пожилая дама говорит по-русски, оказывается, что муж ее, премьер-министр Болгарии Малинов, едет с ней до Вены. Увидев, что у молодого человека нет провизии, его радушно кормят до Женевы, всем очевидно, что он бежит из России, но и Язвицкому тоже очевидно, что «попутчики не станут доносить», и он откровенно признается: «Да, я вынужден покинуть родину. Я еду продолжать свое высшее образование в Женеву, где думаю обосноваться».

Сохранились письма В.И. Язвицкого. В них со всеми

подробностями быта и бытия предстает русская Женева 1907– 1910 годов. Прозрачность границ, надобности частного человека направляли встречные потоки передвижения. Разумеется, что в той же мере, как о «русской Женеве», «русском Берлине», «русском Париже», можно говорить и о «немецкой», «французской» и прочих Москве, Петербурге, Одессе... Довоенный мир Западной Европы и России был крепко увязан. До самого Бискайского залива, до модных пляжей Биаррица ощущалось тогда «русское присутствие» – в лучшем, гораздо лучшем для Европы, чем сейчас, смысле этого понятия. Богатые – в ложенных экспрессах, а не сановное, заштатное население российское ехало с пересадками, с бессонными ночами на вокзалах Берлина, Вены, Цюриха, Женевы. Особенно уплотнялся поток, когда двигалась с каникул в европейские университеты учащаяся молодежь, «по русскому стилю – в середине сентября». К нему пристраивались те, кто не владел языками. «От Цюриха русские встречаются чуть не на всех станциях», – читаем в одном из писем Язвицкого. Русский рубль стоил около трех франков, дорога – сорок рублей до Женевы, на двадцать рублей в месяц можно было там вдвоем свести концы с концами. (Однако не забудем, что корова в то время в России стоила пять – семь рублей, крестьянская рабочая лошадь – десять, а взрослый мужчина на жатве поденно получал лишь двадцать копеек...).

«Европа – наше второе отечество» – это признание Достоевского все чаще приходит на память, когдаходишь в детали прочитанного. «Есть здесь при университете годовой курс французского языка, – пишет Язвицкий жене в Казань, – стоит очень дешево, окончание его дает право учителя или учительницы гимназии в России. Если нам с тобой достать денег, то мы оба можем записаться этими дипломами, и в России на первое время, а может и больше, заработок обеспечен. Администрация очень любезна». «Может быть, в Женеве придется работать на шоколадной фабрике, как большинству эмигрантов, – и то не беда, лишь бы чем жить было», – уговаривает он приехать жену. То есть при собранности и трудолюбии можно было выжить и получить образование, даже приехав без гроша в кармане. С жильем в Женеве Язвицкому повезло: в день приезда ему повстречался

старый знакомый, который привел на квартиру к В.И. Ленину, где его радушно приветили и поселили на диване в гостиной, пока он не нашел себе подходящего жилья. В университет он поступает на второй курс естественного факультета: документы университетов всех стран были едины. Учеба напряженная, к тому же – курсы французского языка, а еще он пишет стихи и прозу, играет с большим успехом в любительских спектаклях в Женевском клубе политэмигрантов, где ставят и его пьесы («Болезнь духа», «Отпетый», «Орел»), выступает с докладами и лекциями в одной афише с Троцким, Алексинским, Богдановым, Луначарским в клубе социал-демократов; возглавляет комиссию при ЦК РСДРП (б) по оказанию помощи политэмигрантам. Для заработка приходилось заниматься мытьем посуды в студенческой столовой, давать уроки латинского языка и русской литературы детям эмигрантов: латинского – дочкам Шолом Алейхема, а литературы – внукам «толстовца» художника Гё.

К моменту окончания университета (1910) Язвицкий – автор рассказов, опубликованных в столичных газетах и журналах. И хотя писательство давало ему уже материальную поддержку, он считал себя больше ученым. В том же 1910 году он едет работать в Болгарию в биологическую лабораторию русского профессора Порфирия Ивановича Бахметьева, занимавшегося проблемами анабиоза насекомых и животных. О собственных научных исследованиях Язвицкого никаких сведений не дошло.

Вскоре Язвицкий становится собственным корреспондентом «Русских ведомостей». Со всем пылом исследователя-ученого он входит в историю и культуру южных славян, пишет статьи об искусстве, этнографии – глубокие и обращающие на себя внимание. По поручению Российской академии наук к пушкинскому юбилею он готовит историческое исследование «Кто был Кирджали?» – герой одноименной повести Пушкина, в котором дал обоснованное доказательство, что Кирджали был не румынский «гайдук» – разбойник, а болгарин, принимавший участие в борьбе греческих повстанцев против турок под Скулянами в Валахии. За это исследование Язвицкий был избран действительным членом Российской академии наук. Работа напечатана лишь в 1921 году в Петрограде Пушкинским Домом.

На Балканах назревали события, которые разразятся Первой мировой войной. «Россия и Болгария», «Шипкинская провокация», «Чьи руки приложены?», «Кровные братья» – Язвицкий знакомит российского читателя со своими наблюдениями. И вот 1914-й – выстрел в Сараево. Как военный корреспондент, он на переднем крае событий. Всю Россию взволновала серия его статей, полных сострадания и гнева – «В сербских окопах». Наконец, Валерий Язвицкий становится профессиональным литератором. Выходят его роман «Из книги бытия», сборник любовной лирики «Избранное», повесть «Пепельный человек»; театр Корша готовит к постановке новую пьесу «К вершинам человечества»; трагедия «Храм солнца» – о борьбе каст в фантастической стране, напоминающей Индию, – идет с большим успехом в Нью-Йорке на Бродвее; кинодрама «В хороводе жизни» включена в «Золотую серию» киножурнала «Пегас», и Алексей Ханжонков, лидер русского дореволюционного немого кино, ставит по ней «фильму»...

Язвицкий хочет вернуться на родину. Но бежать из России оказалось проще, чем въехать в нее законным путем. Его прошения директору департамента полиции долго не имеют успеха, и лишь осенью 1915 года Валерий Язвицкий возвращается на родину.

Десять лет напряженной работы, научные познания, знание жизни и собственные прозрения... Европа, ввергнутая в хаос, но виденная им еще на переломе, еще в сохранности сложившегося благополучия и равновесия, кровь ни в чем не повинных людей, ставшая платой за чьи-то амбиции, – все это изменило баррикадное мировоззрение Язвицкого. В 1912 году Язвицкий выходит из РСДРП и больше никогда не вступит ни в какую партию.

После Октябрьской революции Валерий Язвицкий работает на Наркомпрос, работает увлеченно. Энциклопедичность знаний, дар автора о сложном сказать просто и увлекательно делают его книги доступными всем. Вот некоторые названия: «Земная кора и ее история», «История кусочка сахара», «История человеческого жилища», «Как люди научились писать, читать и печатать книги», «Сказки и правда о небе». Некоторые из этих небольших книжечек до сих пор не утратили своего познавательного значения, хотя

человек шагнул уже в Космос, даже побывал на Луне, о чем в 30-е годы можно было писать только фантастические рассказы и повести – это была еще одна форма популяризации знаний, избранная Язвизким... «Гора лунного духа» (1924) и «Остров Тасмир» (1940) – два романа о будущем цивилизации, о роли человека в ее сохранении, о границах свободомыслия в науке. Именно об этом, о свободомыслии и подлинно независимой науке, будут им написаны перед войной еще два романа – исторических: «Непобежденный пленник» – об Ипполите Мышкине, народовольце, сподвижнике Чернышевского, и «Сквозь дым костров», в котором с дотошностью ученый писатель исследует XVIII век во Франции и Испании, каким он в нравах, обычаях, религиозных понятиях предстал перед судом энциклопедистов.

Надо признать, что значительная часть русской интеллигенции, в том числе и той, которая затем эмигрировала из России, подошла к буре семнадцатого года со взглядами, которые эту бурю и приближали. Оппозиция не только самодержавию, православию, но и отрицание устоев народной жизни были присущи поколению «решительных людей», готовых в угоду модным философским идеям изменить все и вся. Негативным было отношение к самой истории России как государства: в забвении той трагической – с Востоком и Западом одновременно! – борьбы за национальное выживание, условием которой и была для русских «особость» их государственной и религиозной жизни.

Грянувшая в 1941 году война явилась испытанием не только для народа, но и для идей... Оказалось, что для одоления врага новых идей явно недостаточно – кроме официального «советского патриотизма», пришлось призвать также и патриотизм национальный, вспомнить «славную и героическую» русскую историю, согласиться на большую роль Церкви, возродить ее патриархат.

Валерий Иоильевич не уехал из Москвы даже в страшные для столицы дни октября и спешил со своим «словом» к воинам, которые уже через несколько часов марша оказывались на фронте. В огне войны была сама сердцевина России. В эти дни он, старый интеллигент, как бы заново увидел народ, явивший из нетронутых глубин своих подлинный патриотизм и подлинно высокую – при

неохоте к «высоким» словам – любовь к родине, и удивительное среди жестокостей и лишений милосердие. И значит, все это было, было в народе, шло из веков. Вот почему Русь вставала всегда из пепла и разорения, так Валерий Язвицкий выстрадал доминанту своего эпического повествования «Иван III – государь всея Руси». Ее героями, как и в произведениях, создаваемых в это время другими писателями, стали мужи Прошлого.

Народ, четверть века воспитывавшийся в отрицании патриотизма, в забвении своей истории и подвигов предков, в час испытания снова призывал на помощь своих князей и государей, и они как бы протягивали руку помощи, воодушевляя своих потомков примером воинского подвига.

Все, что собрал Язвицкий – человек, писатель, историк, философ, психолог, этнограф, фольклорист за годы упорного труда, – все обрело место в романе. Поистине писатель оставил труд энциклопедический по полноте знания всего того, что составляло жизнь русского человека того далекого времени, будь то князь или смерд, монах или воин. И Византия, и Орда, и Рим также получили в романе полнокровное воплощение. Каждый, кто уже прочитал роман, не мог не увидеть: идейные крепости в этом произведении не так просты, как может показаться при его пересказе. За узорочьем великокняжеских нарядов и выездов, застолий, празднеств и битв, за более скромным узором жизни неименитого человека автор пытается разглядеть главное: что из той, давней, человеческой жизни осталось нетленным и, пройдя чрез горнило веков, питает жизнь его современника, не дает ей ссохнуть и рассыпаться в прах. Всем строем романа, всеми образами, как они решены писателем, он отвечает: любовь. Любовь к семье, к родительскому дому, любовь жены и мужа, дающая новую семью, любовь к земле, на которой вырос... В суровый век разъединения писатель воспевал естественные, вечные человеческие чувства. И собственную преданную любовь к отцу, благодарную память об отчем доме – Язвицкий художественно засвидетельствовал, дав вечную жизнь в романе отцу своему Иоилу Ивановичу в образе попика Иоиля, с «седой головой-одуванчиком». Это он рассказывает мальчику-князю Ивану о Царьграде – как, наверное, рассказывал когда-то Иоиль

Иванович детям своим... Память сердца, связывающая времена и народы, жизнь тех, кто жил раньше, – с жизнью своих современников.

Когда-то, еще юношей-студентом, в Казанской тюрьме, Язвицкий написал: «Смысл жизни – в самой жизни».

«Тетку твою родную, княжну Анну Васильевну, – сопровождал я в Царьград...» – говорит поп Иоиль. И Царьград становится князю Ивану уже не далеким, а своим, близким из-за родной тетки, живущей там... Лекарь в суздальской обители Спасо-Евфимиева монастыря, инок Паисий, говорит князю Ивану: «Я был воем у деда вашего. Великого князя Василия Васильевича сыздетства знаю, здесь же ему раны врачевал, когда в полоне у татар он был. Вас же, внуков Василия Дмитриевича, увидеть мне сладостно». И пред читателем, и пред внутренним взглядом князя Ивана выстраивается цепочка новых жизненных крепей. А когда крепь слабеет – жизнь уходит, будь то жизнь человека или целого государства. Это видно и на судьбе главного героя романа. Жизнь, поначалу оживотворенная любовью: к любимой жене Марьюшке, к сыну любимому Ивану, – этой любовью и памятью о ней жив Иван III – государь. И как суха и до однообразия постыла жизнь его, превратившаяся в одну непосильную работу, когда нет любви в семье, когда его новая женитьба – на греческой царевне Софье Палеолог – тоже, по существу, государственное дело. Огромная романная эпопея выходила в свет частями, по мере ее создания, начиная с 1946 и кончая 1955 годом. Война подточила силы этого могучего человека – ограниченность в пище, холод и огромная мозговая работа простучали первыми ударами инсульта. Он справился, отлежался в госпитале. Жена была далеко, в эвакуации ... И на помощь пришла молодая женщина, машинистка, печатавшая его книгу. Она навещала его во время болезни и искренне плакала, ведь может случиться самое худшее и никогда в жизни она не сможет прочесть продолжение этого удивительного, невыносимо тяжкого в исполнении произведения, которое связало ее с Валерием Язвицким. И, отдадим ей земной поклон, Нина Павловна Брюханова стала искренней энтузиасткой этой книги, помощницей писателя. Она уже не считалась со временем, шла в библиотеку, заказывала необходимые книги,

приносила их стопами углубленному в работу писателю. А потом перепечатка написанного – раз, и два, и три – некоторые фрагменты. И радость выхода первой книги. Все равно – радость, хотя книга была посвящена Варваре Алексеевне Язвической.

А позднее, в 1952 году, когда инсульт стал отнимать ноги, она перевезла писателя из больницы в свою комнатенку в коммунальной квартире. И к 1955 году последняя, пятая книга романа была закончена. Писатель диктовал ее по памяти.

В этой странной для Москвы ситуации, породившей пересуды и сплетни, даже административный гнев (вот еще – Ламех советский), Варвара Алексеевна была чутким, все понимающим другом. Она не могла так помочь Валерию Иоильевичу, хотя конечно же и желала. Она была старше его на девять лет, и ее тоже одолевали хвори. Только любимые пирожки с луком пересылала она через знакомых, как передавала когда-то свои передачи Валерию Язвическому, заключенному Казанской тюрьмы.

В прессе и в писательских кругах мнения о романе разделились. Одни критики упрекали Язвического в том, что «целые главы написаны по образцу древних святцев», утверждая, что стилизация «под старину», употребление устаревших, книжно-церковных слов и выражений противоречит требованию социалистического реализма...» Другие отстаивали, защищая роман, единство русского языка, право писателя выбирать форму выражения для своих чувств и мыслей: «Рапповцы и пролеткультовцы всегда старались проложить пропасть между языком современным и между языком прошедших эпох»... Яростные споры сотрясали стены учреждений, от которых зависело «пускать или не пускать» в свет детище писателя. И сегодня, по прошествии стольких лет, нельзя не сказать доброго слова о гражданском мужестве издательства «Московский рабочий», которое, невзирая ни на какую критику, подарило читателям все пять книг романа. А два года спустя, 23 октября 1957 года, в очень тогда сложной общественной атмосфере вокруг его имени организовало похороны своего замечательного автора на Новодевичьем кладбище.

Роман Язвического «учит полюблять жизнь» – в этом Лев Толстой видел смысл художественного творчества, и это высшая похвала

писателю, создавшему книгу, которая уже полвека учит людей любви и добру.

ВАЛЕНТИНА СЕРГАНОВА

В статье использованы материалы из архива В. И. Язвического: РГАЛИ, Ф. 585. Оп. 1. № 29, 32, 33, 35, 39, 43, 52; Оп. 2. № 12, 73, 77; Оп. 2. № 73 (фото)